

ШАМИЛЬ
ИДИАТУЛЛИН

УБЫР

ДИЛОГИЯ

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И29

Художественное оформление *Елизаветы Корсаковой*

Иллюстрации по тексту *Дины Идиатуллиной*

Идиатуллин, Шамиль Шаукатович.

И29 Убыр : дилогия / Шамиль Идиатуллин. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2025. — 636, [4] с. : ил. — (Другая реальность).

ISBN 978-5-17-170671-5

Шамиль Идиатуллин — прозаик, журналист, дважды лауреат премии «Большая книга».

«Убыр. дилогия» — мистический триллер с участием обычных людей и нечисти из татарского фольклора; это книга о родителях и детях, о роде и памяти, о взрослении и возмужании, о жизни и смерти.

Убыр — жуткая прорва из древних сказаний, бессмысленная и беспощадная. И никто не помнит, как его победить. Наиль, обычный городской подросток из Казани 2010-х, не верит в сказки и попадает сразу в ночной кошмар. Он бежит из города с сестренкой, и теперь их реальность — это сырой лес, страшные твари, топкое болото, странная ведьма и древние обряды. И только от Наиля зависит, вернутся ли они домой, спасут ли родителей и весь город.

В книге — два авторских послесловия: про фольклорных персонажей и татарский язык.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Идиатуллин Ш.Ш.
© Идиатуллина Д.Ш., иллюстрации
© ООО «Издательство АСТ»

ISBN 978-5-17-170671-5

Содержание

УБЫР

Пролог	9
Часть первая. Все дома	13
Часть вторая. Из дома	91
Часть третья. Без дома	151
Часть четвертая. Как дома	209
Часть пятая. Кто дома	283
Эпилог	343

УБЫРЛЫ

Пролог	351
Часть первая. Чувствуй себя хозяином	357
Часть вторая. Не болей	403
Часть третья. Не скучай	455
Часть четвертая. Учись на хорошо и отлично	523
Часть пятая. И радуйся жизни	563
Эпилог	619

Вместо послесловия. Ubir kitte — urini qaldi 624

Основные татарские слова и выражения,
использованные в книге 633

УБЫР

ПРОЛОГ

Наиль совсем с ума сошел.

Я всегда так говорила, когда он что-то смешное болтал или дурачился. Ну и просто так это повторяла. Но сейчас я не повторяю, я знаю: Наиль сошел с ума.

Здесь темно, пыльно и холодно. И страшно очень. Раньше меня всегда успокаивали. Мама. Или папа. Или Наиль. Он мой старший брат, большой. Я тоже не маленькая, я скоро первый класс закончу, но он почти взрослый — ему четырнадцать лет. И я думала, что раз он почти взрослый, то он знает, что делает, и будет меня защищать. А он сошел с ума и теперь ходит вокруг, молчит и улыбается. Он никогда так не улыбался, особенно с позавчерашнего дня.

Я тоже вчера и позавчера не улыбалась. И раньше, когда мама стала больной, папа грустным, а Наиль начал сходить с ума. Он ходил с ножиком, на маму кричал, папу напугать хотел, у меня в комнате зачем-то ложился спать, на полу прямо, как пьяница или Зуля апа*, когда в гости к нам приезжает. Распсиховался из-за ерунды, из-за песенки, которую мы учили для представления, — а сам-то куда страшнее песенки слушает, и в компьютере сплошные скелеты и привидения. Еще схватил меня и говорит: поедem к *dāw äti*** — а сам в лес привез к баб-

* Апа — тетя (*там*).

** Дедушка (досл. «большой папа», *там*).

ке какой-то. Мы долго на паровозе ехали. Я люблю ездить на паровозах — но этот был неудобный, вонючий, там дядьки страшные и злые. Мы убежали, но стало вообще плохо. Мы все время прятались и спасались. А потом Наиль меня бросил у бабушки, а сам убежал. А теперь пришел, бродит и улыбается. Бабушка хорошая, наверно, она нас накормила. И еще котик у нее. Он черный и красивый. Но бабушка тоже с ума сошла. Обещала звериков всяких показать, лосей даже. А сама притащила меня в баню и сунула под лавку в первой комнате. Здесь холодно и света нет. А бабушка внутри в темноте с печкой и та-зиками возится. Как будто кто-то ночью в баню ходит. Это во дворе страшное ходит. Улыбается и слушает.

Хорошо, я железку нашла — она кривая, но длинная и твердая. Можно даже кость сломать, я пробовала, до сих пор палец болит. Только я ничего не вижу, потому что темно и очки грязные и запотели, а платка нет. И руки все равно заняты. Я скорчилась под лавкой и просто железку перед собой выставила. Если кто-нибудь набросится, сам себе голову проломит или зуб выбьет. Но лучше, чтобы не набросился. Жалко, что я очень громко дышу — слышно очень всем. Я тоже услышала, зажала рот обеими руками и стукнула железкой по косточке, которая под глазом. Больно очень, ладно хоть в глаз или в очки не попала. А потом поняла, что так вот это страшное, не буду думать кто, набросится — а я совсем без защиты. Быстро выставила железку перед собой — и выронила полшоколадки, Наиль оставил, когда уходил. Он хотел есть, я видела, а я совсем не хотела. И сейчас не хочу, но он все равно оставил. И зря. Шоколадка упала очень громко и с эхом. К двери сразу подошли.

Я сама виновата. Не надо было ронять шоколадку. Не надо было кричать на Наиля. Не надо было капризни-

чать дома, и кашу недоеденной оставлять, и лениться читать. Просто я дура трусливая.

Говорят, что все умирают. Говорят, если быстро, это не больно и не страшно.

Жалко, что я Аргاماка дома оставила. Это моя любимая игрушка. Она как живая, хоть и маленькая.

А Наиль как неживой, хоть и большой. И это ведь не Наиль все-таки. Просто кто-то в него переоделся. Наиль не такой, он хороший, хоть и сумасшедший. И у него ноги не так ходят. У него походка смешная, а у этого страшная.

Плохо, что это не Наиль. Значит, это гад какой-нибудь. Хорошему не надо притворяться другим человеком. И здорово, что это не Наиль. Значит, он еще может прибежать и спасти.

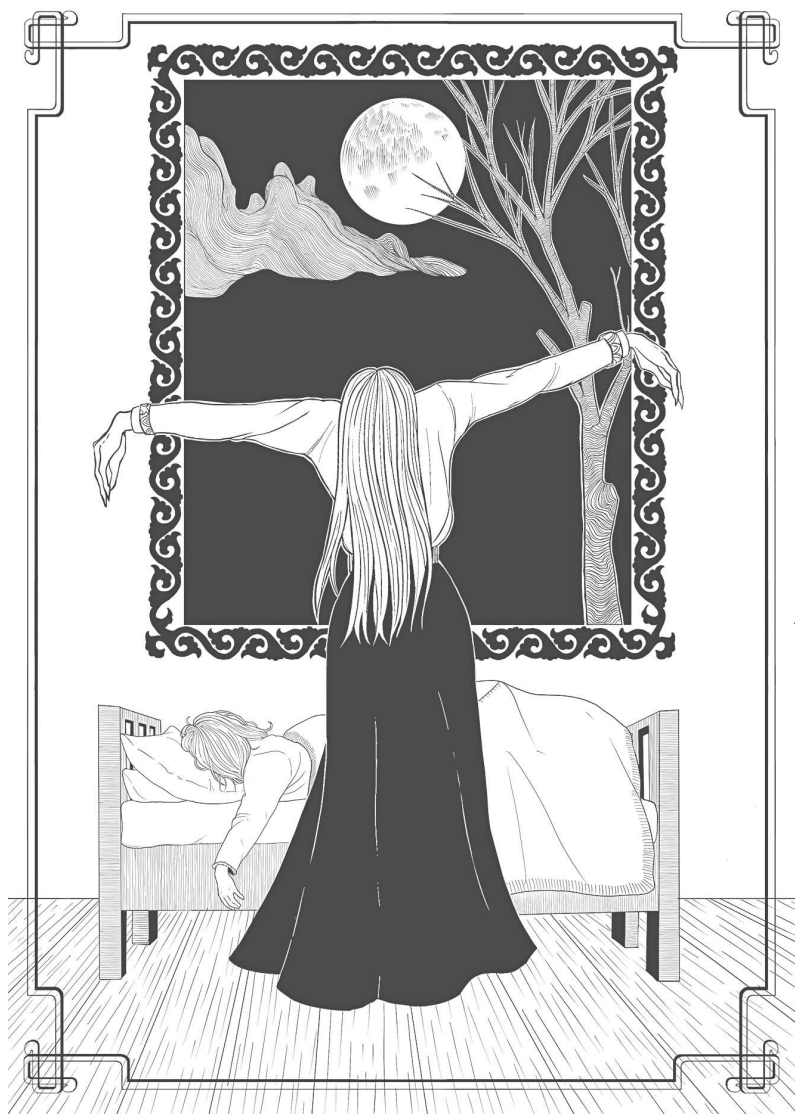
И я вовсе не всего боюсь. Я думала, что я Наиля боюсь, но, наверное, я его не совсем боюсь уже. То есть боюсь, конечно, но хочу, чтобы он пришел скорее и забрал меня. К маме с папой, если они выздоровели, или к *dāw äti*. Или хоть куда. Лишь бы отсюда.

Опять шаркают. Близко.

Наиль, заberi меня, пожалуйста.

Слишком громко прошептала.

Оно услышало. Оно услышало. Оно ус

Часть первая

ВСЕ ДОМА

1.

Сперва-то я думал: надо же, как все удачно закончилось. Удачно.

Закончилось.

Ладно.

Папа совсем в ярости уезжал, я его таким злым и не видел никогда. Он же спокойный, как таракан — его любимое выражение, кстати. Если чувствует, что, как он говорит, на псих уходит, — когда я упираюсь, Дилька дуру включает или мама челюсть выдвигает, ну или по работе с кем-то поспорит, — так вот, он просто разворачивается и уходит из комнаты и даже из квартиры. А появляется уже через полчаса, как всегда, насмешливый и хладнокровный. Иногда только «кошачьей смерти» требует и потом весь вечер поддевает всех. «Кошачья смерть» — это валерьянка. На самом деле она, конечно, называется *mäçe üläne* — «кошачья трава», но папа переделал в *mäçe üleme*. Говорит, что нечаянно. Врет, я думаю. Он постоянно всякие песенки и просто слова переделывает. Русские, английские, татарские. Слоган *Nike* у него «щас дует», *Kit Kat* — «передохни» с ударением на третьем слоге, ну и всякие там «Газета “Из рук враки”», «Стоматологическая клиника “Добрый дент”», «Кефаль — ты всегда жарись для нас»,

«Безутешен от природы йогурт в Перми» или «Травожок “Хуроток”». А несчастную надпись на двери «На себя» папа прочитал так, что мама с ним полдня не разговаривала. Он эту надпись вслух прочитал. И сиял, как лазерный фонарик. А мама против его сияния ничего сделать не может: смеяться начинает. Если рассмеялась — «не разговариваю» уже не считается.

Я у папы, кстати, этому научился: чушь сморозил — сияй. Дурак, но веселый. Простят. Ну, обычно прощают. Даже завуч. Лишь с физичкой это не проходит, но на нее у нас особенный метод есть, не скажу какой.

Против звонка *däw äti* у папы ни методов не нашлось, ни желания сбегать в зону спокойствия. То есть договорил он не то чтобы приветливо и весело, как всегда, а даже как-то ласково и баюкающе. Будто с Дилькой, когда ее надо из рева вытащить. Дильку он обычно вытаскивал, и *däw äti*, наверное, тоже вытащил. Длинно попрощался, убрал трубку и тут же пошел переодеваться и собирать командировочную сумку. Я это из своей комнаты слышал — уроки делал, чтобы в выходные была свобода. Слышал, как он шебуршал потихоньку, потом принялся дверцами хлопать и тумбочками швыряться. Ну, не тумбочками, а чемоданами с летними вещами, которые у нас внизу шкафа стоят, пока зима — ну, или весна, как сейчас. А летом, наоборот, зимние вещи туда упихиваются — не все, конечно, а которые можно упихать.

Теперь это все на пол полетело. Я испугался, прислушался и понял: папа сумку ищет. Мама тоже поняла, прибежала к нему, тихо заговорила, он тоже отвечал тихо, потом рыкнул, мама сказала что-то про нас — а, ну да, понятно, пугать нельзя, не кричи, я все понимаю, но тише-тише. Папа начал было: «Да что ты понимаешь, ты смотри, что они делают», — да успокоился почти.

И объяснил еле слышно для меня, почему надо ехать именно сейчас, а мама сказала, что одного я тебя не отпущу. Они немного поспорили, ласково так, — про нас в основном, куда нас девать, с собой, что ли? — нет, не надо, посидят, ничего страшного, слава богу, суббота, — и про то, кому нужны детские хладные трупки, хотя папа еще про мамин матч вспомнил. У мамы абонемент на «Ак Барс» — она на хоккее сдвинута, ладно меня туда же не вдвинула, боксом отбилась, честно. Ну вот. А она сказала: ничего страшного, чего уж похороны калек смотреть — выходит, с кем-то слабеньким играют.

Конечно, мама победила. Как всегда.

Они вышли из спальни спокойными и решительными. Папа притащил болтающую ногами Дильку на спине, сбросил на мою кровать, шикнул, потому что она за верещала и потребовала еще раз, и сказал:

— Тут такое дело. Нам с мамой надо срочно ненадолго уехать.

Дилька сразу стала кривить губы и затягивать глаза мокрой пленкой, как вторые линзы под очками. Здорово у нее это получается, раз, и льется, как с карниза в марте. Но мама такую оттепель давно умеет подмораживать. Мы с папой не умеем, наоборот, хуже делаем. А мама умеет.

Она к Дильке присела, что-то быстро ей нашептала, лицо незаметно вытерла, пощекотала — как всегда, в общем. Дилька хмурилась и губами жмакала, но против мамки разве устоишь. Короче, все успокоились, даже папа. Он объяснил, что до деревни и обратно съездим, помочь там надо, ну Марат абый* же... Тут папа осекся. Дилька ведь не знала ни папиного дальнего родственника Марата абый, ни того, что он вдруг умер неделю

* Абый — дядя, также старший брат и просто уважительное обращение к старшему (*тат.*).